

© Т.Н. КОНДРАТЬЕВА

ktamara1960@yandex.ru

УДК 930.1

**Б. Ф. ПОРШНЕВ И АПОРИИ ЕГО РАННЕГО
ФИЛОСОФСКОГО ТВОРЧЕСТВА***

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена раннему философскому творчеству Б.Ф. Поршнева, который интересовался проблемами познания.

SUMMARY. The article is devoted to the early philosophical research of Boris Porshnev whose academic interests lay in the field of cognition.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Б.Ф. Поршнев, философия, недостающее звено, гносеология, Бэкон, Кант.

KEY WORDS. Boris Porshnev, philosophy, missing link, theory of knowledge, Bacon, Kant.

Борис Федорович Поршнев (1905-1972) прожил большую и яркую жизнь. Его научные заслуги были отмечены Сталинской премией, работы были переведены на многие европейские языки; ему было присвоено звание почетного профессора Клермон-Ферранского университета.

Среди его научных увлечений, пока еще не ставших объектом изучения, философия занимает важнейшее место. Неслучайно в 1966 г. ему удалось защитить свою монографию «Феодализм и народные массы» (1964) как докторскую диссертацию по философии [1; 17-18]. Ученик Б.Ф. Поршнева А.В. Гордон подчеркивает стремление своего научного руководителя к философским генерализациям: «Поршнев остается для меня «системником» per se, законченным, классическим выражением того типа исследователей, деятельность которых была направлена на разработку и формирование определенной познавательной системы. Он был «гегельянцем» в самом общем и лучшем смысле этого слова» [2; 46].

Известно, что свою научную карьеру ученый начинал как историк. Но то образование, которое он получил на факультете общественных наук 1-го МГУ, больше ориентировало на овладение различными конструктами, преимущественно марксистскими, чем собственно навыками ремесла историка. На этот счет есть свидетельство самого Б.Ф. Поршнева от 1926 г.: «Главным предметом занятий в Университете являлась теория марксизма (исторический материализм и политическая экономия), общие курсы новой истории и история социализ-

* Публикация подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг.» (соглашение № 14.В37.21.0481).

ма» [3; 211]. О том, чему и как учили в те времена будущих историков, можно судить по воспоминаниям саратовского ученого Л.А. Деброва, который в 1928 г. поступил в Ленинградский университет. «Львиную долю времени занимало преподавание «пропагандистских», «общественно-политических дисциплин» — истории партии, политэкономии, диамату и истмату, ленинизму, государственному устройству СССР и др.», — пишет он [4; 119]. Приобщение к философии продолжалось у Б.Ф. Поршнева после поступления в аспирантуру Института истории РАНИОН (1926-1930), где он специализировался по секции Новой русской истории и работал над диссертацией (так и не написанной) по истории общественной мысли России XIX в. [5; 141-157]. Учеба в Институте истории была организована так, что аспиранты постоянно работали над самыми разнообразными докладами. Среди тех сочинений, которые написал будущий известный франковед и которые можно считать философскими, следует упомянуть «Методологию М. Вебера и марксизм», «Основные черты славянофильства», «Социальные идеи Руссо», причем Вебера и Руссо Б.Ф. Поршнев читал, судя по отзывам, в подлиннике. Любопытно и то, что рецензенты доклада о Руссо, среди которых был будущий академик В.П. Волгин, отметили склонность Б.Ф. Поршнева к спекулятивным построениям и синтетическому конструированию [5; 141-157].

Думается, Б.Ф. Поршнев не оставлял занятия философией, когда работал в библиотеке им. Ленина (1932-1935), Московском отделении Государственной академии материальной культуры (1934-1937), в МИФЛИ (1937-1939), Институте истории Академии наук СССР (после 1938 г.).

Первыми опубликованными работами Б.Ф. Поршнева по философии стали главы в знаменитых I и II томах «Истории философии», изданных под редакцией Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина и П.Ф. Юдина. В I-м томе Б.Ф. Поршневу принадлежит раздел «Исторические предпосылки развития средневековой философии», во II-м томе он написал введение «Исторические предпосылки развития буржуазной философии». Отметим при этом, что среди авторов имя Б.Ф. Поршнева присутствует только во II-м томе. Но в опубликованном еще при жизни историка списке его трудов, который, без сомнения, им выверялся, обе работы с пометкой «без подписи» указаны [6; 379].

В обоих очерках представлена типичная марксистская схематическая интерпретация материальной и духовной жизни в Средние века и раннее Новое время. Картина выглядит следующим образом: Средние века охватывают период с конца V до конца XVIII в., т.е. верхний хронологический «столб» пока еще «опирался» на Французскую революцию, а не на английскую (середина XVII в.), куда его директивно переместят позже. В рамках этого хронологического периода феодализм прошел три стадии: возникновение (V-X вв.), расцвет (XI-XV вв.) и разложение и созревание ростков капитализма. Везде подчеркивается «прогрессивность» феодализма по сравнению с рабовладением. Переход от рабовладения, в духе тогдашних сталинских «открытий» в области обществоведения, произошел благодаря синхронному совпадению двух факторов — «революции рабов» и вторжения варваров. Упадок хозяйства на рубеже перехода от античности к Средним векам был только предпосылкой его развития. Причем Западная Европа развивалась быстрее и иначе, чем Византия и арабы. Любые когнитивные трансформации трактуются исключительно как производные от перемен в материальной, экономической и социальной жизни.

Свое место в представленной схеме нашла феодальная собственность на землю, внеэкономическое принуждение крестьян и классовая борьба, которая, по его мнению, сопровождала всю историю Средних веков и составляет основную черту феодального строя.

Католицизм именуется идеологией, санкционирующей феодализм и «тяжелым туманом» ложившейся на сознание народных масс. Христианство цементировало и придавало единство Западу перед лицом внешнего врага. Церковь долгое время боролась со всяким знанием. Антитезой духовной монополии церкви являлось «народное творчество». Крестовые походы находят у Б.Ф. Поршнева не ментальное, а сугубо материалистическое объяснение. Посредством крестоносного движения, полагает он, европейский феодализм пытался расширяться, экстраполировать себя на Восток и одновременно обеспечить устойчивость феодальному Западу.

Феодализм расшатывали товарно-денежные отношения, появление и рост городов, углубляющееся разделение труда. По мере проникновения новых отношений происходило укрепление королевской власти, побеждающей феодальный сепаратизм, и высвобождение ее из-под власти папства. Начинается становление национальных государств. Укрепление государственности и консолидация феодального класса (XIV-XV вв.) привели к усилению эксплуатации и обострению классовой борьбы. Противостояние феодализму шло не только в виде крестьянских и городских восстаний, но и в форме ересей. «Ереси, — пишет он, — становление светского знания (при этом не упоминая университеты), литература, искусство и народное творчество — все это подрывало монополию церкви на духовную жизнь» [7; 399-410].

Капитализм, согласно «марксистской пятичленке», приходит на место феодализма. Капитализм — это тоже эксплуатация, пишет историк, но в отличие от феодализма основанная на экономическом принуждении, ибо лишенный средства производства рабочий продает капиталисту свою рабочую силу. Б.Ф. Поршнев последовательно характеризует переход от цехов к мануфактуре и затем к фабрике, от «торгового» и «ростовщического» к производственному капиталу. Два первых легко встраивались и сосуществовали с феодализмом.

Становление капитализма и разложение феодализма Б.Ф. Поршнев напрямую связывает с развитием мировой торговли, географическими открытиями, первоначальным накоплением капитала, которое лишало крестьян земли. Упомянутые социальные и экономические явления в области государственного строительства сопровождалось становлением абсолютизма, кредитуя который богател торговый и ростовщический капитал.

Однако в XVI-XVIII вв. начинается обострение антагонизма между «хозяйственной» буржуазией и «феодально-абсолютистским строем», между абсолютизмом и народными массами. Причем если народные массы свои интересы выражали в восстаниях, то буржуазия — «в новой культуре» и идеологии. Правда, иногда эта культура, вначале отрицая феодализм, затем легко с ним уживалась и даже служила ему. Так случилось, по мнению историка, с гуманизмом и культурой Ренессанса. Реформационное движение феодалы из-за нерешительности буржуазии также сумели приспособить под свои интересы.

Но в дальнейшем феодализм и абсолютизм оказываются сокрушенными в Нидерландах и Англии, где буржуазия использует реформационные идеи,

а также во Франции. Английская революция достигла своего успеха благодаря тому, что буржуазия выступила в блоке с частью обуржуазившегося дворянства. Такого же успеха, на его взгляд, буржуазия могла бы добиться в середине XVII в. во Франции, во время Фронды, но этого не произошло из-за ее страха и нерешительности [8; 3-19].

Ясно, что два представленных очерка трудно отнести к области даже истории философии. Это скорее типичная марксистская социология истории. Однако параллельно с созданием скучных марксистских трафаретов Б.Ф. Поршнев серьезно занимался изучением философии. В его личном архиве сохранилось несколько общих и простых ученических тетрадей, на которых его рукой выведено: «История и философия» (наброски, или варианты к книге). Первые записи датированы 1938 г., вторые — 1939 г., третьи — 1941 г., четвертые — 1941 г., пятые — 1943-1945 гг. Все тетради исписаны мелким почерком и к тому же карандашом, что чрезвычайно затрудняет чтение и понимание.

Даже беглый просмотр материалов показывает, что Б.Ф. Поршнева уже в конце 1930 — начале 1940-х гг. занимают проблемы сознания и когнитивные практики. Он прежде всего пытается ретроспективно вообразить и представить в виде причинно-следственных рядов становление философии — от появления абстрактных понятий до собственно философских систем, причем исследователь сразу же отказывается мыслить в плоском поле теории отражения. Он говорит о том, что мышление не только отражает бытие, но в известной степени противостоит ему, поскольку сознание способно конструировать образы и понятия, которых нет в реальном мире. [9; 1-4].

Продолжая свои когнитивные размышления, Б.Ф. Поршнев замечает: «Нельзя даже поставить проблему человеческой истории в целом, не ставя гносеологической проблемы, — хотя бы потому, что изучение человеческой истории имеет задачей самопознание человечества, а самопознание немислимо без изучения свойств и проблем самого познания» [10; 2]. При этом исследователь предполагает изучать и исследовать человека не в связи с остальным миром, а противопоставляя его. Здесь же он впервые говорит о проблеме недостающих звеньев в истории и эволюции, которые могут быть реконструированы логически и ретроспективно. Гносеология, по мнению Б.Ф. Поршнева, «произвольно рассекает ход вещей», что как-то сближает ее с экспериментальной деятельностью, и в ходе этих рассечений она обнаруживает те самые недостающие звенья. Он согласен с тем, что внешний мир воздействует на человека, но слово (идея), созданное человеком, не меньше влияет на него и даже определяет поведение. Поэтому подлинная наука призвана соединить внешние воздействия и воздействия самого человека, преодолев тем самым противопоставление объекта и субъекта [10; 4-10]. Почти в духе пришедшего позднее Фуко он пишет: «Нам нужно в первую очередь анализировать слова как условные знаки вещей» [10; 10]. Далее следует пассаж, совершенно, казалось бы, невообразимый для цитируемого выше автора «Истории философии»: «Абсурдный результат гносеолога-солипсита оказывается ценнее такого здорового опровержения, если только видеть в первом не конец исследования, а начало. В условиях данного эксперимента даже хорошо, что результат абсурден. Поэтому субъективный идеализм, в той или иной степени тяготеющий к этому абсурду, всегда более адекватно решает гносеологическую задачу и поэтому более ценен, чем материализм.

Материализм же, если он не сводится к простому опровержению идеализма, что очень легко и очень бесславно, принужден двигаться в кругу тех же понятий и тех же противоречий, что и идеализм, и поэтому быть вдвойне противоречивым» [10; 13-14].

Сравнивая «отца материализма» в новой философии Фрэнсиса Бэкона с отцом субъективного идеализма Иммануилом Кантом, то, как они решали проблему идея versus вещь, он отдает предпочтение Канту, упоминая скороговоркой Гуссерля. Ибо Бэкон считал разум, по сути, отражающим, но несколько затемненным (от предрассудков и химер) зеркалом, а Кант же считал опыт не просто очищенным отражением, а свойством возможностей самого разума. «Мы должны признать неразрешенным спор между идеализмом и материализмом, если только спор идет в области гносеологии, а не онтологии. По поводу любого акта знания, любого понятия или суждения материалист спросит: откуда же, как не от вещей, его конкретное содержание, которое никакой дедукцией нельзя вывести из свойств разума? И этот аргумент, в сущности, неопровержим. Но идеалист в ответ спросит: а откуда же, как не из разума, всеобщность, присутствующая в каждом понятии и делающая его вообще возможным, откуда необходимость, присутствующая в каждом логическом суждении, откуда сама его грамматическая форма, без которой оно вообще не имеет смысла; все это никакие наблюдения не выводят из вещей. И этот аргумент столь же неопровержим», — подводит Б.Ф. Поршневу промежуточный итог [10; 19-21]. Затем он полагает, что дальнейшее постижение проблемы разума следует связать не с гносеологией, а с антропологией, человеком и историей познания.

Познание для него — не линейный процесс обретения эмпирического знания, а возникновение посредством осмысления и мыслительных усилий описывающих действительность понятий, понятийных конструкций, концепций, систем или, говоря современным языком, дискурсов. «И философы и историки всегда изображали историю знания и мысли как односторонний процесс накопления, начинающийся с нуля и уходящий в бесконечность, в то время как он должен быть представлен и как одновременный процесс исчезновения чего-то, не только как прогресс, но и как встречный регресс. Если бы философы увидели в незнании положительный объект для своего исследования, они и не искали бы решения гносеологической проблемы в одностороннем поглощении разума вещами или вещей разумом, но смогли бы смело констатировать абсолютную противоположность природы вещей и природы разума, каждая из которых могла быть рассмотрена как незнание или как знание по отношению к другой» [10; 31-33].

Для Б.Ф. Поршнева, каковым он предстает в своих рукописях, познание во многом сопоставимо с медленно разворачивающимися во времени и до конца никогда не реконструируемыми историческими (недостаточно источников), но реконструируемыми логически дискурсивными практиками.

Об этом свидетельствуют используемые им примеры. Обращаясь к математике, он пишет: «История математики есть история преодоления какого-то печального исходного понятия». На его взгляд, самые общие математические понятия «единица», «целое», «бесконечность» удалены от всякого опыта и даже противоположны ему.

«Опыт, во-первых, не дает ничего единичного, чему не было бы подобия; во-вторых, ничего, всегда тождественного с собой; в-третьих, ничего, совершен-

но изолированного от чего-либо другого; в-четвертых, ничего, имеющего одно лишь свойство. Следовательно, понятие единицы само по себе не отвечает никакой реальности и противоречит всякой возможной реальности.

История математики и есть лестница непрерывного приближения от этого абсурдного с точки зрения природы вещей понятия к миру вещей. Для того чтобы между тем и другим могло возникнуть хоть некоторое соответствие, единица должна была революционизироваться сначала в две единицы и понятие двух, затем в несколько единиц. Возможность счета и измерения перекинула подобие моста от единицы к вещам, но исходная противоположность продолжала сказываться на каждом шагу: целые числа настолько противоречили действительности, что потребовалась новая революция, переход к дробям, но это было снова неадекватно, даже можно сказать, что чем более математика приближалась к соответствию вещам, тем более осязательнее становилось несоответствие. Но все же это было непрерывным вторжением вещей в единицу, или, если угодно, вторжение единицы в мир вещей. Дальше потребовался переход к исчислению бесконечно малых к теории множеств. Это есть бесконечный процесс все более совершенного и объективно точного познания вещей, хотя мы и выбрали для примера такую специфическую отрасль науки, где познание выражается только в совершенствовании инструмента познания. Познание выступает перед нами как прогрессирующий процесс взаимопроникновения противоположностей: единица сформировалась и видоизменилась настолько, что приходится, казалось бы, вплотную к мельчайшим шероховатостям вещей; стала в огромной степени соизмеряться с вещами, отражает их свойства, как гипсовая маска отражает черты лица; но что она не слилась с вещами, видно из того, что в той мере, в какой единица, став математикой, так сказать, овеществилась, вещи, напротив, в математике, так сказать, соединились, потеряли все свои реальные свойства» [10; 34-36].

Следующий пример касается идеи Бога.

«Наиболее общим из этих понятий, т.е. наиболее отдаленным от вещей и конструируемым путем обращения всех их свойств, является понятие бога, в особенности в его деистическом понимании. Абсолютная противоположность бога вещам выражена уже в его определении как творца всего сущего. Его свойства — вездесущность, всемогущество, вечность — исключают свойства вещей совершенно таким же способом, какой мы показали на примере единицы. Первый шаг истории познания от этого абсурдного исходного понятия должен заключаться в его расчленении, т.е. не в уничтожении (как было с единицей), а в появлении других, еще почти таких же, но уже не могущих быть столь же противоположными вещам хотя бы потому, что их теперь два, а два разных понятия уже не могут быть противоположными третьему, следовательно, каждое из них должно быть уже некоторым примирением с вещами, некоторым приближением к ним. Совершенно естественно, что переход должен совершаться путем раздвоения, ибо противоположность исходного понятия и вещей настолько полна, что не оставляет места для чего-либо третьего, но само исходное понятие может легко раздвоиться, породить два противоположных понятия, так как оно само внутренне противоречиво, так как оно и абсолютно чуждо миру вещей (мир как целое) и содержит его в себе в виде отрицания. Но после первого же раздвоения, а в особенности на более низких ступенях, открываются те же два пути для образования новых понятий, нисходящих к вещам, какие мы нашли в математике:

через противоречие между вещами и понятиями и через противоречие между понятиями или внутри понятий. История человеческой мысли полна и борьбой, и взаимодействием этих двух путей, науки и схоластики.

Те два понятия, которые являются следующим шагом после понятия бога, могут быть названы очень различно: ведь позднейшие стадии мышления оказывают обратное воздействие на исходные понятия, видоизменяя их на бесчисленные лады, подобно тому как и понятие бога, хотя слово здесь остается одно, в сущности является бесконечно разнообразным в разных руках. Одно из этих двух понятий, по-видимому, может быть названо «я», субъектом, душой, субстанцией, и т.д., другое — природой, миром, универсумом, всем и т.д. Оба эти понятия почти так же полно исключают свойства вещей, как и понятие бога, но все же являются мостом к вещам. В каком смысле исключают они свойства вещей? Отрицание всех возможных свойств, всех возможных вещей может состоять, не будучи совершенно пустым отрицанием, только в представлении о единстве» [10; 43-46].

Таким образом, рукописное наследие Б.Ф. Поршнева показывает, что уже в конце 1930-х гг. он задумывался о создании синтетического труда, который способен был охватить проблему если и не происхождения человека, то хотя бы проблему исторической гносеологии. Его интересовал механизм появления описывающих реальность речевых конструкций. Он уже очень хорошо понимал, что фиксация вещей не является простым свойством или слепком с вещей. Эта фиксация в виде слов и дискурсов становится, по сути, новой реальностью, если и связанной с миром вещей, то весьма условно. Ибо понятия сами по себе есть и иная реальность, и способ придания системности вещам.

Очевидно, что Б.Ф. Поршнев был знаком с современной ему философией и в своем рукописном наследии предстает самобытным, оригинальным автором, разительно отличающимся от плоского творца марксистской истории философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вите О.Т. Борис Федорович Поршнев и его критика человеческой истории // Французский ежегодник. 2005. М., 2005.
2. Гордон А.В. Б.Ф. Поршнев: впечатления и размышления // Французский ежегодник. 2005. М., 2005.
3. Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62.
4. Дебров Л.А. Страницы воспоминаний. Саратов, 2009.
5. Кондратьева Т.Н. Борис Федорович Поршнев: учеба в Институте истории РАНИОН // Европа. Международный альманах. Вып. 10. Тюмень, 2011.
6. Библиография трудов Б.Ф. Поршнева // История и историки. М., 1966.
7. Исторические предпосылки развития средневековой философии // История философии / Под ред. Г.Ф. Александрова и др. М., 1941. Т. I.
8. Исторические предпосылки развития буржуазной философии // История философии / Под ред. Г.Ф. Александрова и др. М., 1941. Т. II.
9. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 684. К. 17. Д. 3.
10. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 684. К. 17. Д. 4.